

Женевьева Пирон : «История - это когда падают памятники» | Geneviève Piron: "L'histoire c'est quand les monuments tombent"

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 02.06.2010.

Сотрудник Женевского университета Женевьева Пирон

За несколько дней до выхода в свет исследования на французском языке [«Лев Шестов, философ «беспочвенности»](#), посвященного русскому философу, мы с удовольствием знакомим вас с ее автором, научным сотрудником Женевского университета, «нашим человеком» в самых разных смыслах.

A l'occasion de la sortie d'une étude "Léon Chestov, philosophe de déracinement", consacré au grand philosophe russe, c'est avec joie que nous vous présentons son auteur, chercheuse à l'Université de Genève.

Geneviève Piron: "L'histoire c'est quand les monuments tombent"

В момент рождения Женевиёвы Пирон в Швейцарии от познакомившихся в Нью-Йорке папы-бельгийца и мамы-француженки ничто не предвещало, что делом ее жизни станет изучение русской культуры и литературы. Впрочем, виноваты все же родители, точнее, папа.

Женевиёва Пирон: Мой папа был полиглотом, известным эсперантистом. Он переводил стихи и песни с разных языков, поэтому в нашем доме звучали песни на испанском, английском, французском, идише и ... русском. Сначала я влюбилась в этот язык фонетически, даже не понимая слов, и твердо решила выучить. Естественно, выбранный путь привел меня в один прекрасный день в Женевский университет, к профессору [Жоржу Нива](#).

Наша Газета.ch: Неужели Вы смогли так прекрасно овладеть русским,

Прощальный вечер в Грозном
учась только в Женеве?

Основные знания были получены здесь, но огромную пользу принесли две стажировки, одна, еще в 1990 году, - двухмесячные летние языковые курсы в Московском университете, а затем, уже в «новой» России, в 1993 году, тоже в Москве, но уже в Российском государственном гуманитарном университете, ректором которого был Юрий Афанасьев.

Да, не в лучшие годы довелось Вам познакомиться с Россией. Если суммировать одной фразой, какие общие впечатления остались от двух этих поездок?

В 1990 году я поняла на собственном желудке глубинное значение глагола «достать», чуть не умерев с голоду. В 1993-м ситуация уже, конечно, улучшилась в продуктовом, так сказать, смысле, поэтому можно было не фокусироваться на хлебе насущном, а думать о высоком.

Вот о высоком давайте и поговорим. Как приняли Вас в РГГУ?

Очень хорошо. Мне повезло слушать лекции выдающегося профессора Галины Андреевны Белой, читавшей курс литературы советского периода и делавшей акцент на писателях эмиграции, ранее не изучавшихся. Что, конечно, было крайне интересно. Именно Галина Андреевна, человек очень требовательный, но при этом открытый и доброжелательный, рядом с которым легко чувствовать себя умной, познакомила меня с Лией Розенблюм. В кабинете этой прелестной, умнейшей женщиной в «Литературном наследии» я провела очень много времени. Лия Михайловна – текстолог, один из авторов 31-томного собрания сочинений Достоевского, того, которое со всеми черновиками. Тогда я еще не понимала, как мне повезло!

На московской кухне, 1999 г.

А что в этом было такого необычайного?

Знаете, я с большим трудом могу себе представить, чтобы какого-нибудь стажера, приехавшего, например, из Беларуси в Париж, просто так пустили бы в кабинет редактора серии *Pleiade* и сказали бы: «Ну вот, работай – сиди, читай, слушай, спрашивай...» Думаю, такое возможно только в России.

Как повлияла эта поездка на Вашу дальнейшую профессиональную жизнь?

Не только профессиональную, но вообще – жизнь, ведь случилось, что я подцепила «вирус», пока не излечимый. Главным моим российским опытом тогда, в 93-м, стало соприкосновение с историческими событиями – и напрямую, и через их свидетелей. Ведь именно тогда начали открывать архивы, и с частью из них уже можно было работать. Тогда я поняла, что история – это не то, что написано в книгах, но когда падают памятники, поставленные навека.

Это прекрасно, но мы живем в реальном мире. Закончили Вы отделение славистики Женевского университета, получили диплом филолога, а что дальше делать с русским языком, ведь «распределение», как было в СССР, здесь не практикуется?

Конечно, нет! Начала искать работу, занялась переводами. А тут в Международном Красном Кресте как раз искали переводчика для отправки на Северный Кавказ. Ну, я и отправилась, в 1995 году.

То есть в самый разгар войны в Чечне?

С русскими и европейскими художниками в Российской национальной библиотеке, 1999

Да. База Красного Креста была в Нальчике, а жили и работали мы в Грозном. Это были короткие миссии, два раза по три месяца, но впечатлений хватило. В 1995 году Грозный был еще пустой, а вот летом 96-го боевики как раз все взрывали. Сотрудников гуманитарных организаций стали брать в заложники, наша «цена» была высокая – 300 тысяч долларов. Для сравнения, местный министр культуры оценивался «только» в тысячу. То есть мы ходили по улицам как будто с ценниками на спине.

Когда Вы сейчас вспоминаете об этом периоде, какой первый образ встает перед глазами?

Фильтрационный лагерь, где мы посещали живших в подвале заключенных. По нормам международного права швейцарский переводчик – переводчик конфиденциальный, так что общались мы и с боевиками, и с генералами. А потом Красный Крест открыл госпиталь, где были убиты шесть медсестер.

Из наших предыдущих бесед я знаю, что в Чечне у Вас произошло очень личное событие. Хотители ли Вы об этом рассказать?

Знаете, я всегда интересовалась мистикой. И вот там был день, когда я точно знала, что умру. Это было не рациональное знание, конечно, но твердая животная уверенность. Вопрос был только, каким образом: от мины, от пули, от пытки. Последнего я боялась больше всего. Но день шел, а я все не умирала. И вот я дала обет – если выживу, начну больше внимания уделять духовной жизни. Я выжила. Вернувшись в Женеву, начала посещать православный приход (тот, что в Шамбези, где служба идет на французском). Начался новый этап моей жизни, на котором большую роль сыграло сознание смерти.

Но ведь чеченский опыт был в основе и творческих импульсов?

С В. Дукельским из центра "Мемориал", 2003

Безусловно! В Чечне я поняла, что разрыв между чеченцами и русскими, на самом деле, гораздо менее глубок, чем между всеми «бывшими советскими» и западными людьми. Мне очень захотелось как можно скорее этот разрыв сократить, отсюда родился проект «Окно в Европу». Вместе с моим мужем-художником и несколькими друзьями мы отправились в такие символические русские города, как Калининград, Архангельск и Санкт-Петербург.

Это была такая акция – по пути посольства Лефорта, она проводилась под эгидой Совета Европы и кантона Женевы. Вместе с местными художниками мы занимались настенными росписями. Таким образом, я ощутила себя, как ни пафосно это звучит, роли человека-моста между культурами, между мирами. В одном отдельно взятом случае.

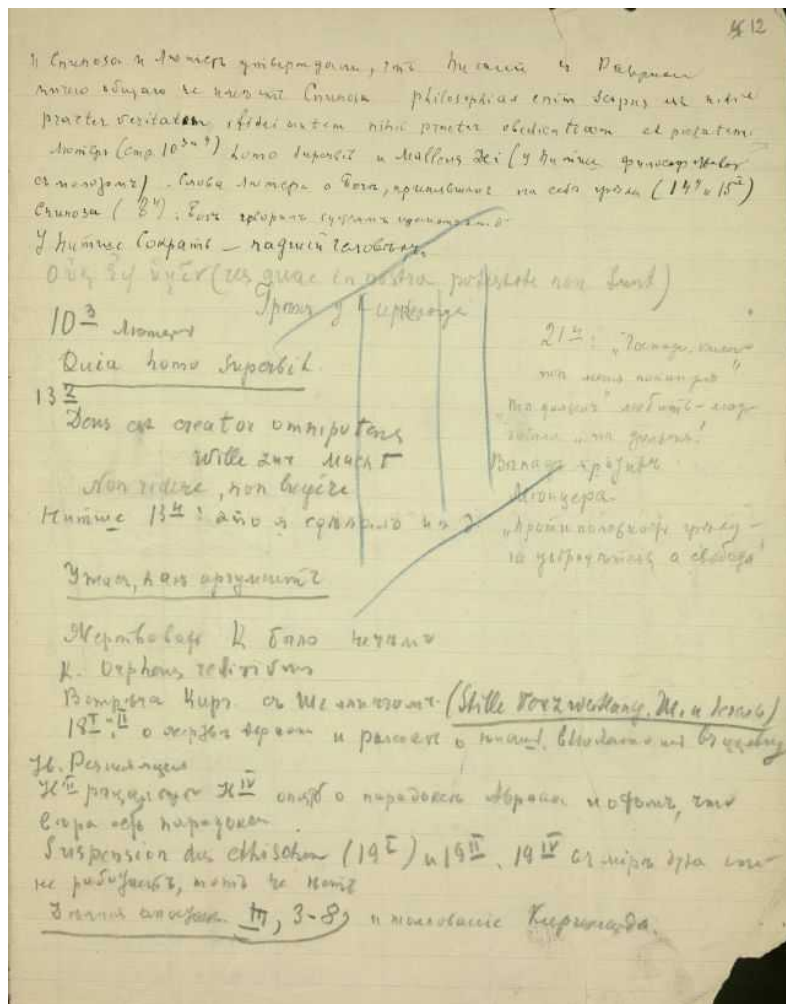
Связано ли с пережитым в Чечне Ваше участие в организации выставки о зеках, проходившей в Женеве?

Конечно, как и вообще все, что связано с Россией, связано между собой. Эта выставка, представленная в 2004 году в Этнографическом музее Женевы, была, мне кажется, очень сильной. Я счастлива, что, участвуя в работе оргкомитета, устраивая круглые столы в Университете и занимаясь каталогом, смогла развить мои связи с московским «Мемориалом», организацией, к которой я отношусь с глубочайшим уважением. Нам очень важно было, чтобы люди в Швейцарии поняли, что такое ГУЛАГ и как это явление отразилось на всей России, включая сегодняшнее поколение.

Как Вы объясняете тот факт, что, несмотря на всю имеющуюся сейчас информацию, Сталин продолжает пользоваться популярностью в России?

Я объясняю это низким уровнем гражданского сознания. Поэтому я так ценю «Мемориал», ведь они занимаются именно этим – активной просветительской работой, причем уже со школьниками.

И все же Вы вернулись от политики к истории, философии, литературе. Как возник в Вашей жизни Лев Шестов?

Рукопись Льва Шестова, Библиотека Сорбонны

Да, снова оказавшись в Женеве, я хотела углубиться в вопросы религии, смерти, смысла жизни. Начала активно интересоваться историей первых веков христианства, когда оно было еще иудейской сектой, до появления догматики и института Церкви. И вот тут профессор Нива предложил мне писать диссертацию о Шестове.

Что Вас заинтересовало в этом философе, о котором Николай Бердяев писал: «Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. Он был однодум. И поразительна была его независимость от окружающих течений времени»?

Вот именно это! А еще то, что, будучи на Западе одним из самых известных и любимых русских философов, в Советском Союзе, да и сейчас в России, он достаточно мало известен. Меня сразу поразило то, как по-разному писали о нем российские и западные исследователи, пользовавшиеся разными источниками. Желая разобраться самой и восстановить некую правду о его интеллектуальном пути, я стала изучать его архив в Сорбонне, о существовании которого тоже мало, кто знает. Кстати, обнаружила, что в самом архиве была только половина трудов, указанных в каталоге. Устроила страшный скандал...

Чем Шестов близок лично Вам?

Своей невероятной внутренней свободой. Его, на первый взгляд, легко читать, но он заставляет Вас так глубоко задумываться! Близко мне и то, что в какой-то момент он

ушел из религии, как Института, посвятив себя только вопросам духовной жизни.

Легко ли было найти издателя?

Как совместить работу с материнством?

Найти-то легко, тем более, что я точно знала, где искать – Владимир Димитриевич, глава женевского издательства L'Age d'Homme, издал уже три книги Льва Шестова и часто говорит, что имеет перед ним экзистенциальный долг. Но такие книги, конечно, не рентабельны, поэтому надо было найти спонсора. Я очень рада, что им стал именно находящийся в Женеве [Фонд Нева](#), видящий свою миссию в том, чтобы раскрывать малоизвестные страницы российской истории и культуры и, более глобально, показывать иное лицо России.

Будет ли Ваша книга издана на русском языке?

Я очень на это надеюсь! Мне кажется, она могла бы быть полезна русским исследователям именно в силу того, что в ней впервые опубликованы многие архивные материалы. Пушкинский дом в Санкт-Петербурге заинтересован в такой публикации, надеюсь, все получится.

А какие у Вас планы на будущее? Над чем Вы сейчас работаете?

С группой моих коллег я работаю над такой Энциклопедией советского быта 1950-80-х годов. Надеюсь, в будущем году этот труд, ставший возможным благодаря поддержке Швейцарского научного фонда, увидит свет и привлечет интерес.

А нам это даст повод снова встретиться и поговорить.

От редакции: Дорогие читатели! По случаю выхода в свет книги Женеьевы Пирон "[Лев Шестов, философ «беспочвенности»](#)", изданной при поддержке Фонда Нева, издатель, l'Age d'Homme, организует ее презентацию. Она состоится в книжном магазине издателя, Le Rameau d'or по адресу 17, bd. Georges-Favon, Genève, 10 июня с 16 до 20 часов, в присутствии автора и при участии проф. Жоржа Нива. Приглашаются все желающие.

[Женевский университет](#)
[русская философия](#)
[православие](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/node/9917>